

УДК 316.454.3:303.442.23

Регион: экономика и социология, 2014, № 1 (81), с. 145–162

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ

Н.Д. Вавилина

Новый сибирский институт

И.А. Скалабан

Новосибирский государственный технический университет

Аннотация

Анализируются перспективы использования метода совместного социального картирования в целях диагностики и стимулирования общественного участия населения в локальных социально-территориальных общностях, его стратегия и процедура. Показано, что экспертная позиция жителей при работе над картой позволяет не только получить эмпирический материал о характере территориальной идентичности, территориальных интересах и практиках общественного участия в социально-территориальном контексте, но и начать формирование «зон согласия», вовлечение жителей в работу по развитию поселения. Описывается опыт применения метода картирования в сельских поселениях Новосибирской области.

Ключевые слова: общественное участие, социальное участие, социальное картирование, социально-территориальная общность, местное сообщество, сельское поселение

Abstract

The paper analyzes perspectives, strategies, and procedures of participatory social mapping to diagnose and encourage public participation in local com-

munities' development. It shows that involving local people in mapping as experts could allow producing not only empirical data concerning the nature of territorial identity, territorial interests and public participation, but also building «zones of agreement» and residents' involvement in their communities' development. We describe residents' involvement in mapping taken place in the rural communities of the Novosibirsk oblast.

Keywords: public participation, social inclusion, participatory social mapping, local community, rural settlement

Мировой опыт показывает, что ориентация многих поселений на устойчивое развитие их территорий, на создание в них современной сервисной экономики не может быть реализована без стимулирования социальной и экономической активности жителей, без формирования институтов проактивной мобилизации и общественного участия. При этом, для того чтобы общественное участие обрело институциональную устойчивость и обеспечило реальное вовлечение жителей в решение социально значимых проблем поселения, его векторы должны иметь как вертикальную направленность (участие населения в местном самоуправлении – гражданское участие), так и горизонтальную (участие в структурированной и неструктурированной коллективной деятельности, осуществляемой в рамках повседневной жизни и направленной на удовлетворение общественного интереса, – социальное участие).

Одним из методов, который позволяет диагностировать процессы солидаризации и характер общественного участия в поселении и даже влиять на них с учетом специфики социальных и пространственных факторов поселения, является метод совместного социального картирования [1]. В данной статье проанализированы опыт использования метода социального картирования как инструмента первичной диагностики и перспективы его использования для стимулирования общественного участия населения в развитии территорий*.

Интерес к методу социального картирования сегодня вызван теми же особенностями социальных процессов, которые обусловили и рост

* Исследование проводилось в марте–июне 2012 г. при поддержке правительства Новосибирской области (конкурс общественных инициатив) и Новосибирского государственного технического университета.

интереса социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений в целом. В первую очередь это усиление дискретности социального времени и «проектного» характера социального развития с неизбежной актуализацией в этих обстоятельствах горизонтальных связей и сетевых структур. Как заметил Н.Е. Покровский, сегодня жизненные «проекты» становятся все более краткосрочными, меняют ориентацию в траекториях развития, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах [2]. Проектный характер деятельности как никогда актуализирует необходимость диагностики ситуации и целеполагания как на уровне сетевых отношений индивидов и групп, так и на уровне социального управления локальными сообществами и поселениями.

В этом отношении метод совместного социального картирования представляется особенно перспективным. Находящийся на границе пространственного и когнитивного картирования, он предполагает возможность графической репрезентации или последовательного описания представлений о социальных и социально-пространственных объектах и процессах через их отображение в виде карт. Традиционно метод используется в инструментальных целях на начальном этапе работы с жителями в компактно расположенных локальных социально-территориальных общностях городов и относительно небольших по размеру поселениях.

К преимуществам картирования как способа отображения реальности можно отнести обзорность, опознаваемость, упорядоченность, читаемость информации об объекте [3], доступность ее изложения как для информанта любого возраста и образования, так и для конечного пользователя. Не случайно ряд исследователей относят картоподобные модели, наряду с чтением и счетом, к категории культурных универсалий [4].

Вместе с тем совместное социальное картирование как технология и продукт отличается от классического картографирования по ряду значимых позиций. Во-первых, оно является эскизным, т.е. произвольным отображением пространства группой индивидов без учета масштаба и устоявшейся картографической символики. Будучи одновременно и произвольным, и относительно структурированным продуктом, эскизная карта представляет собой отображение группового

восприятия пространственного объекта, заключающего в себе субъективное семантическое пространство как отдельных индивидов, так и группы в целом. Но являясь продуктом коллективного творчества, карты отражают относительно устойчивые представления их создателей о социально-пространственных зонах, т.е. представляют собой общественные и, до определенной степени, объективированные образы территории. По мнению К. Линча, такие карты – это «своего рода зоны согласия», возникающие между информантами «во взаимодействии общей материальной действительности, общей культуры и базисной физиологической общности» [3, с. 18].

Во-вторых, в процессе совместного картирования в фокус исследования попадает не только собственно карта, но и процедура ее создания [5], обеспечивая возможность, по выражению К. Гирца, ссылающегося, в свою очередь, на Г. Райла, «насыщенного описания» [6, с. 12]. Объектом исследования становятся произвольные объяснения, рассуждения, комментарии жителей при работе над картой, расшифровывающие «субъективные смыслы, заложенные в ментальных картах» [7, с. 76].

В-третьих, карта выполняет двойную функцию: не только служит самостоятельным источником информации, но и стимулирует обсуждение, «структурируя воображение жителей» [8, с. 189], выполняя роль творческой визуальной подсказки, поощряя участников к диалогу на ранней стадии проекта и содействуя проблематизации тех или иных аспектов жизни жителей и поселения. Соответственно и процедура картирования является способом конструирования общего символического пространства и нового для всех участников знания: согласованного образа сообщества, сложившейся ситуации, многообразия существующих в сообществе формализованных и неформализованных практик помощи и участия.

Подобный подход к сбору, систематизации и анализу полученных графических образов и нарративов основан на социально-конструкционистском понимании реальности как воспроизводимой людьми в процессе ее интерпретации. Это обуславливает главную методическую особенность картирования: изучение и одновременно конструирование социальной реальности. Картирование ориентировано на достижение двух взаимосвязанных целей: на диагностику социально-территориаль-

ной общности и на мобилизацию внутренних социальных ресурсов жителей, участвующих в картировании. Последнее особенно актуально, если диагностика является частью проектной деятельности по развитию поселения, предполагающей целенаправленное социальное вмешательство. В этом случае представление о мобилизационном потенциале сообщества особенно значимо и может быть получено и оценено при привлечении местных жителей к самому процессу создания карт, через актуализацию позиции жителя как субъекта, способного оценивать происходящие в поселении процессы и влиять на них.

В данном контексте процедура совместного картирования выполняет одновременно и функции воркшопа. Описывая ландшафт участия в пространственном и темпоральном контексте, жители рассказывают истории о поселке, о людях, о традициях совместной деятельности, о повседневных сельских практиках участия в решении социально значимых вопросов, обсуждают проблемы и риски для сообщества и территории, перспективы их развития. Они озвучивают, одновременно сравнивая, уточняя и согласовывая с мнением других, свое отношение к местным ресурсам или проблемам [9, 10], к барьерам участия [11]. Занимая позицию экспертов, рассказывая не информированным, но «любопытствующим» модераторам о поселении, жители включаются в обсуждение даже тех вопросов, по которым в сообществе нет согласия. Сама сессия выступает как своеобразный социальный тренажер для выработки навыков диалога и для стимулирования процесса формирования субъектности участников через повышение их значимости в складывающейся системе групповых отношений. Безусловно, проявление субъектности в ходе процедуры картирования носит ситуативный характер. Но выслушивая в психологически безопасной среде мнения друг друга об общей картине жизни поселения, интенсифицируя представления об общности, участники обнаруживают стремление к собственной легитимации, сигнификационную активность (производство смыслов, утверждений, «картин мира»). Это стимулирует их к выходу за пределы группы в более широкую систему отношений, в которую они вписаны или на участие в которой могут претендовать [12].

Поэтому объектами анализа исследователей является как сама карта, так и процесс ее построения, в частности порядок нанесения на

нее информации, характер коммуникации участников при работе над картой, их личная вовлеченность в описываемые практики участия и последующая готовность к сотрудничеству. В дальнейшем информация, полученная в ходе построения карт, может быть дополнена данными глубинных интервью с другими жителями поселения, представителями местных органов власти, результатами кратких опросов о традициях, о нормах взаимодействия и мобильности, об уровне доверия, об удовлетворенности отношениями соседства и т.д.

Апробация технологии совместного картирования прошла в двух районных центрах Новосибирской области: Ордынском и Сузуне. Выбор этих поселений был обусловлен их относительно сопоставимыми размерами (10 и 15 тыс. жителей соответственно), одинаковыми природно-климатическими условиями (оба поселка расположены рядом с лесными массивами), относительной удаленностью от мегаполиса, а также схожими ориентирами в социально-экономическом развитии (ориентация на развитие туристическо-рекреационных зон).

В ходе исследования было проведено шесть сессий совместного картирования, по три в каждом поселении, в которых в совокупности приняли участие 62 чел. Выборка носила смешанный характер. Информанты отбирались по квотному принципу в возрастных интервалах 18–28, 29–49, 50–70 лет и по целевому – активности. Признаками активности выступали опыт формализованного или неформализованного социального участия, референтность информанта для группы жителей, высокий уровень контактов в сообществе. Информанты рекрутировались на основании рекомендаций представителей местных органов власти, руководителей общественных объединений, активных жителей, предварительно участвовавших в полустандартизированных интервью, а также на основании их упоминания в контексте социально значимой деятельности на неофициальных сайтах поселений и в социальных сетях.

В зарубежной практике совместного картирования широко применяется и прямое приглашение жителей [11]. Ориентируясь на мнение В.Л. Глазычева и его соавторов о том, что использование подобного метода в российской практике работы в местных сообществах скорее

выводит на тех субъектов, «работа с которыми утомительна, но непродуктивна» [13, с. 28], мы отказались от этого варианта.

В задачи исследования входили как первичная диагностика общности и поселения в контексте перспектив вовлечения населения в развитие территории, так и стимулирование солидаристских процессов, формирование готовности к социальному диалогу и участию жителей – участников процедуры картирования. Содержательная структура сессии предполагала совместную реконструкцию образов общности и поселения, диагностику социальных проблем поселения, манифестирование которых информантами рассматривалось как проявление их социально-территориальных интересов, описание практик и ландшафта участия (субъекты, характер, установки в отношении распределения ответственности и характера взаимодействия внутри общности и с органами местной власти). Уровень доверия к потенциальным субъектам участия в поселении определялся информантами индивидуально с использованием оценочной шкалы до начала процедуры картирования.

Прогноз относительно характера и перспектив общественного участия жителей в поселении делался нами исходя из следующих параметров: количество упоминаемых общественных практик; широта репертуара (качественное разнообразие сфер участия, уровень формализации и широта вовлечения жителей); соотношение в рассказах личного опыта и историй о других; одобрение участниками описываемых практик; готовность к участию в подобных практиках в дальнейшем; уровень и характер доверия к основным субъектам участия и т.д.

Для сравнения и оценки информационной насыщенности и характера репрезентации материала, собранного методом совместного картирования, а также для выявления неформальных лидеров, референтных лиц в поселении первоначально были проведены индивидуальные полустандартизированные интервью с активными жителями и представителями органов власти (34 индивидуальных интервью: 28 – с жителями, шесть – с представителями местных органов исполнительной власти).

Сравнение семантических рядов по нескольким ключевым позициям исследования (образ поселения, проблемы поселения) показало, что как по качественному разнообразию, так и по частоте упоминаний

информация, полученная в результате картирования, не значительно отличается от информации, полученной в ходе всех индивидуальных интервью. Это говорит о существенно более высокой информационной насыщенности эмпирического материала, получаемого исследователем при использовании метода картирования.

Характер участия приглашенных жителей в процедуре картирования продемонстрировал их готовность к обсуждению вопросов, связанных с жизнью поселения, сообщества, и заинтересованность в этом. И хотя на первых порах в мнениях участников некоторых сессий картирования содержался конфликтогенный потенциал, заинтересованность в предмете обсуждения и необходимость следовать принятым правилам вынуждали участников по ходу обсуждения вырабатывать способы конструктивного взаимодействия, выслушивать друг друга и согласовывать между собой точки зрения, постепенно создавая общую картину жизни общности и поселения.

Стартовым элементом диагностики стал анализ характера территориальной идентичности информантов, в частности ее когнитивной (образ общности и поселения), аффективной и ценностной составляющих как осознания и переживания жителями своей общности. Как отметил И.А. Климов, «формирование общей идентичности – это своего рода “открытие теории”, на основании которой для меня и для некоторого числа людей естественным и вполне обоснованным оказывается утверждение: “он такой же, как и я”» [12, с. 86]. Анализа территориальной идентичности требовала не только логика исследования, направленная на реконструкцию социально-пространственных характеристик общности и поселения, но и логика обучения информантов совместной работе. Возникновение «зон согласия» по этому вопросу обеспечило сбалансированное участие в дальнейшем обсуждении жителей разной степени активности, разного социального статуса и разной гендерной принадлежности.

Исследование эмпирического материала, собранного в ходе анализа собственно карт и транскрипций, показало зависимость между значимыми для участников компонентами образа поселения как когнитивной составляющей идентичности и практиками общественного участия, о которых упоминали информанты. Вместе с тем на выделе-

ние и интерпретацию практик повлияли поколенческая принадлежность, хозяйственная и социальная активность участников. Это можно проследить на примере характеристики информантами границ социально-территориальной общности.

Представления о «своей» и «не своей» территориях у жителей в большинстве случаев не совпадают с административными границами поселений. Жители п. Ордынское как единую социально-территориальную общность рассматривают три муниципальных образования: Ордынское, Чернаково и отчасти Вагайцево. При этом связь Чернаково – Ордынское воспринимается ими как более тесная. При сравнении карт различных поколенческих групп от старшей возрастной группы к младшей, от коренных жителей к пришлым наблюдаются расширение и одновременно смещение границ поселения. Смещение происходит в сторону, где нет четких топонимических ограничений, но ведется активное индивидуальное строительство, в том числе молодежью при поддержке социальных программ. Именно на этой территории участниками младшей и средней возрастных групп отмечено наибольшее количество неформальных практик социального участия, направленных на решение проблем благоустройства, организацию детского досуга.

Одновременно от карт старшей возрастной группы к картам младшей наблюдается сокращение границ в другом конце поселения. По картам средней и младшей возрастных групп граница поселения проходит по линиям строительства коттеджей состоятельных горожан, в то время как на картах старшей возрастной группы она включает в себя реку и значительную территорию на другом берегу с пометками «лыжные трассы». Ограничение доступа для жителей поселения к этим территориям привело к сокращению социальной значимости последних. Это проявляется в «выпадении» данных территорий и расположенных за ними мест традиционного зимнего отдыха местных жителей из ментального образа поселения, что обусловило отсутствие этих объектов на картах. Как следствие, наблюдается незначительное число упоминаний информантами практик участия на данной территории.

Несмотря на то что п. Сузун территориально более четко очерчен, ограничен лесом и на границах не соприкасается с другими населенными пунктами, участники картирования в данном поселении проде-

монстрировали слабое конвенциональное единство и более размытые представления о границах поселения. Здесь сильнее проявляется тенденция, наблюдавшаяся на некоторых территориях и в п. Ордынское, – изменение представлений о масштабах поселения, которые сокращаются от карт старшей возрастной группы к картам младшей. Особенно выражено это на тех территориях, которые в прошлые десятилетия были объектами традиционного хозяйственного освоения и производственной деятельности.

В целом, анализ образа территории, репрезентованного участниками картирования обоих поселений, показал, что в основе этого образа лежат ценность и узнаваемость в первую очередь не антропогенных, а природных объектов. Количество упоминаний всех градостроительных, хозяйственных, социокультурных объектов, к примеру, жителями п. Ордынское в совокупности меньше, чем количество упоминаемых ими же природных объектов. Не случайно именно в этом поселении зафиксировано наибольшее беспокойство жителей в отношении экологических проблем, которые они тесно связывают с проблемами благоустройства, чистоты лесов и побережья рек. Участники болезненно реагировали на отчуждение данных объектов, ограничение их доступности для населения, на нелегитимную или неэффективную хозяйственную деятельность, связанную с лесопарковыми зонами.

Вместе с тем значимость природных объектов для информантов из различных поколенческих групп в изучаемых поселениях различается. В п. Ордынское природный фактор сохраняет свою актуальность для всех возрастных групп. Даже наблюдается тенденция к расширению пространственных границ образа поселения, в том числе в сторону лесных массивов на другом берегу р. Оби в картах младшей возрастной группы. Лес для участников картирования из всех возрастных групп выполняет преимущественно рекреационную функцию. Это подтверждается и характером одобряемых практик общественной активности на данных территориях.

Казалось бы, это обстоятельство должно способствовать росту солидарности в общности и стимулировать проактивные мобилизационные процессы. Но ценность одних и тех же природных объектов и связанных с ними ожиданий у различных поколенческих групп при

низкой общей осведомленности населения и слабой возможности влиять на процессы принятия решений в условиях активизации хозяйственной деятельности становятся источником социального напряжения, конфликтов. В процессе картирования это наглядно показали диаметрально противоположные позиции старшей и младшей возрастных групп в отношении перспектив развития парка «Луневка» в п. Ордынское, а также наличие негативных установок в отношении друг друга по этому вопросу. Развернувшаяся в ходе построения карт заочная дискуссия двух поколенческих групп о том, быть ли парку центром активного молодежного досуга или тихой рекреационной зоной, свидетельствует о необходимости зонирования природных комплексов на территории поселения в соответствии с дифференциацией интересов различных социальных и поколенческих групп. Одновременно это демонстрирует готовность жителей принять участие в развитии парковых комплексов. Как следствие, именно в экологической сфере репертуар практик участия жителей п. Ордынское, выделяемых как одобряемые, наиболее сильно варьирует в диапазоне от неформальных до formalizованных, от консенсуальных до протестных. При этом действия протестного характера вполне совмещаются в представлениях участников картирования с различными формами диалога с местными органами власти, со стремлением установить депутатский и общественный контроль за рубкой леса, что свидетельствует о пока еще конструктивном характере противостояния.

В другом случае (п. Сузун) наблюдается обратный процесс – исчезновение леса с карты поселения. Для старшего поколения жителей Сузуна бор является одновременно хозяйственной, духовной и эстетической ценностью. У них имеются устойчивые представления о традиционных хозяйственных практиках, индивидуальных формах социального участия, осуществляемых в соответствии с устойчивыми неформальными нормами и правилами природоохранной деятельности и природопользования. В представлениях о природе у средней возрастной группы наблюдается некоторое понижение значимости хозяйственной ценности бора с одновременным усилением ценности его рекреационной функции. Чувствительность данной возрастной группы по отношению к лесу как рекреационному ресурсу отразилась в беспокой-

стве о его качестве и чистоте, в демонстрации определенной готовности к участию в работах по очистке бора. Это единственная группа, отметившая на изображаемой ими карте границы поселения мусорными свалками на территории бора. На карте, изображенной молодыми информантами, бор отсутствует. Он не используется как топонимический ориентир для выделения границ, несмотря на то что плотным кольцом окружает поселение. Одновременно наблюдается сокращение репертуара упоминаемых молодежью социальных практик, связанных с использованием бора как рекреационного ресурса. Ценность для молодежи сохраняют только те его места, которые связаны с водой и могут быть использованы для досуга, кратковременного отдыха.

Как следствие, среди форм участия, выделяемых информантами из п. Сузун в отличие от информантов из п. Ордынское, крайне мал удельный вес деятельности, направленной на решение экологических проблем. Упоминаемые практики часто не связаны с личным опытом такого участия, имеющегося у информанта. Невелико количество упоминаний инициативных действий по решению экологических проблем в системе неформализованных отношений, и эти действия незначительно различаются по содержанию.

Что касается антропогенных объектов и их влияния на сформированный образ территории, то результаты картирования показали, что у жителей поселений они сегодня представлены не столько хозяйственными, сколько культурно-бытовыми объектами, ориентированными в значительной степени на детей и детство. Примечательно, что информанты сами обратили внимание на данную диспропорцию, сформулировав как серьезные проблемы, влияющие на перспективы развития поселения, отсутствие инфраструктуры досуга для взрослых, пассивность населения, для которого сегодня важнее ценности семьи, чем ценности сообщества. Осуждая жителей за редукцию социальной солидарности в социально-территориальной общности, многие из информантов, тем не менее, рассматривают социальную солидарность как существующую вне их личного социального пространства и не связывают будущее своих детей с данной территорией.

Важным индикатором перспектив в отношении активности жителей могут служить темпоральные характеристики образа поселения, их

направленность в прошлое, настоящее или будущее. Так, характеризуя объекты, наносимые на карты, информанты из п. Сузун значительно чаще, чем информанты из п. Ордынское, упоминали связанные с этими объектами прежние успехи и достижения, эмоционально описывая свой поселок в прошлом как одно из самых развитых поселений Новосибирской области. Подобная «развернутость в прошлое» при редких упоминаниях будущего и перспектив развития территории, особенно у хозяйственно и социально активной средней поколенческой группы, может стать препятствием для успешной общественной мобилизации населения. Вместе с тем свойственная жителям поселения социально-историческая чувствительность должна учитываться при разработке проектов по развитию территории. Наблюдается частое стремление информантов к сравнению поселения с другими территориями, что, по мнению Н.Ю. Замятиной, служит косвенным признаком незрелости современного «образа образования» его жителей [14, с. 210].

Наивысшую готовность к обсуждению и активности у участников картирования вызвал блок, нацеленный на обсуждение проблем поселения. Их анализ показал, что сегодня на первый план в поселениях выходит не проблема экономического выживания, а проблема обеспечения качества жизни. Основным маркером качества жизни для информантов стало благоустройство территории: чистота поселений и окружающих территорий, озеленение улиц, качество дорог, освещение, качество услуг социального и особенно социокультурного характера.

В свою очередь, преобразование среды, с той или иной степенью активности осуществляемое в поселениях, в частности реализация местными органами власти проектов по благоустройству, также влияет на действующих субъектов, на интенсивность и качество коммуникаций в общности. К примеру, появление фонтана и асфальтированного тротуара на центральной улице в п. Сузун, благоустройство центра п. Ордынское позитивно оцениваются информантами в первую очередь как новые пространства для коммуникации, как перспективные узлы контактов между жителями. Те же критерии присутствуют и при оценке событий. Главным положительным результатом проводимых фестивалей и праздников участники картирования считают то, что «люди наконец стали выходить на улицы», «чаще встречаться».

Представляется, что это демонстрирует имплицитно присутствующий у информантов из обоих поселений запрос на солидарность.

Важной частью процедуры картирования как инструмента стимулирования общественного участия является совместная реконструкция информантами существующего в поселении ландшафта участия: субъектов, механизмов, норм. Именно она, с точки зрения практиков картирования, использовавших этот метод для вовлечения жителей в проекты по развитию территорий [11], позволяет жителям осознать, насколько многообразны уже имеющиеся формы участия, как практика инициативных социально-ориентированных индивидуальных и коллективных действий изменяет характер социальных сетей, в пределах которых осуществляется активность, как это влияет на более широкую систему отношений и возможности действий. Субъектность вырастает из практик общественного участия как совокупность агентных, деятельностных характеристик общности людей.

Выделение и систематизация практик участия, упоминаемых информантами как одобряемые, продемонстрировали, что безусловный приоритет в сельском поселении отдается социальному участию, направленному скорее на поддержание имеющихся свойств поселения, чем на развитие. Практики участия, как и формирующиеся в ходе совместной деятельности группы, институционально неустойчивы и слабо влияют на принятие управленческих решений. Значительная часть из этих практик прямо или косвенно иницируется местными органами власти. Плотный контроль со стороны местной администрации часто приводит к возникновению феномена «бутылочного горлышка», когда взаимодействие внутри общности, к примеру между религиозной общиной и предпринимателями, может осуществляться через местные органы власти. Это вызывает снижение респонсивности местных органов власти [12, 15], которые замыкают на себе сети общественных коммуникаций и взаимодействия, ослабляет способность других участников сообщества к диалогу, отстаиванию своих интересов.

Вместе с тем наблюдаются изменение традиций участия и усиление дифференциации субъектов участия по поколенческим группам. Если информанты старшего поколения ориентированы в большей степени на формализованные группы – органы власти, НКО, политичес-

кие партии, что отражает и структура общественного сектора поселений, то информанты младшего поколения ориентированы скорее на неформальные связи и группы, что характерно преимущественно для отчужденных общностей и групп. Это подтверждает и характер взаимодействий в системе «органы власти – жители поселения». Система некоммерческих организаций и объединений, в которой преобладают объединения де-факто клубного типа, фактически не ориентирована на молодежь. В рассуждениях участников картирования из других возрастных групп, в интервью с некоторыми представителями местных органов власти присутствует оценочный, часто насыщенный социальными страхами взгляд на молодежь. Это существенно ограничивает перспективы социальной адаптации и мобилизации работающей в поселениях молодежи, особенно тех, кто вернулся после обучения в вузах и ССУЗах, затрудняет восстановление их социальных сетей, провоцирует дальнейший ретритизм в молодежной среде.

Между тем если проанализировать рассуждения участников картирования относительно проблем поселения и способов их преодоления в контексте присутствия в высказываниях дискурса ответственности, то обнаруживается следующее: старшая и средняя возрастные группы, поднимая значимые для поселения проблемы, имплицитно предполагают, что ответственность за их решение ляжет на органы власти. В то же время среди молодежи чаще встречаются индивиды, в рассуждениях которых присутствует дискурс разделения ответственности, партнерства. Это проявляется в рассуждениях молодых участников картирования о развитии предпринимательства, о благоустройстве, организации досуга, строительстве жилья, работе с проблемными семьями и подростками, находящимися в конфликте с законом, и даже об ответственности за создание условий для инвестиционной привлекательности поселения. При этом активная молодежь, будучи потенциально способной стать агентом, обладающим субъектностью и намерением участвовать в разработке и реализации проектов, все-таки рассматривает местные органы власти как аутгруппу с достаточно низким у молодежи, по сравнению с другими возрастными группами, кредитом доверия.

Вероятно, как следствие этого поколенческие группы по-разному видят и возможность взаимодействия с местными органами власти. Так, если информанты из старшей возрастной группы скорее транслировали запрос на социальный диалог с органами власти, содержание которого – привлечение внимания властей к значимым для жителей проблемам, то информанты из младшей возрастной группы скорее ориентированы на участие в деятельности. В свою очередь, органы власти наиболее актуальным направлением и методом взаимодействия с жителями считают информирование.

Безусловно, когда доверие к жителям и формализованным структурам все чаще строится на основе знания, а не тождества, проблема осведомленности является актуальной, но не снимает проблему взаимодействия в системе «жители – местные органы власти». Этому способствуют и различия в том, что ожидают участники взаимодействия от его характера. Конструируя возможное партнерство, представители органов власти ждут от жителей конкретных, квалифицированных предложений, в то время как представления жителей о конкретных видах и формах взаимодействия весьма размыты и требуют постепенного прояснения в процессе социального диалога с местными властями.

В целом, полученные в ходе картирования сведения с точки зрения их мобилизационного потенциала и возможности влияния на готовность к общественному участию можно условно разделить на две группы. Первая группа – сведения, мнения, заявляемые информантами изначально или сформулированные совместно в процессе работы над картой. Они непосредственно в ходе сессии влияют на понимание участниками социальной ситуации, на изменение определенных индивидуальных и групповых образов и позиций, на заявляемую участниками готовность к дальнейшему участию в проекте. Вторая группа – эмпирический материал (факты, позиции, оценки), изложенный информантами в ходе картирования, но требующий дополнительной обработки исследователями до его презентации и обсуждения активными жителями на дальнейших этапах проекта.

По завершении процедуры картирования готовность к продолжению социального диалога, к участию в проектной деятельности по решению проблем поселения высказали большинство участников. Подтверждением этого стало участие более половины информантов из п. Ордынское в дальнейшей работе с результатами картирования,

презентация которых различным общественным группам осуществлялась в режиме обсуждений и дискуссий с депутатами районного совета, с администрацией районов и поселений, а также в режиме общественных слушаний.

Опыт совместного картирования показал, что карта становится информативной только тогда, когда она создается жителями при участии внешних модераторов – «третьей стороны», независимой от местных органов власти. Позиция модераторов – позиция «любопытствующих», которые просят рассказать и объяснить, что происходит, ставят жителей в положение сначала экспертов по своей территории, а затем и ответственных за ее развитие. Удержание их в этом положении возможно при осуществлении согласованной с представителями органов власти деятельности в случае заинтересованности властей в сотрудничестве с жителями.

Рассмотренный метод дает возможность менее затратным, чем массовые опросы, способом не только получить первичную информацию, но и создать в среде участников сессий соответствующий настрой, установки на дальнейшее участие в разработке и реализации механизмов развития территории и сообщества. Он может быть использован в тех населенных пунктах и районах, где существует реальная необходимость увидеть настроения людей в отношении реализуемых инфраструктурных проектов по развитию территории, где требуется оценка готовности жителей и органов власти к сотрудничеству и обеспечению условий для партнерства.

Процесс картирования позволяет структурировать понимание ресурсов, традиций социального участия, его социально-культурного контекста, точек конфликтности и социального согласия в сообществе и оценить перспективы диалога тех или иных групп населения и власти. Полученные данные помогут ответить на вопросы относительно эффективности социальных инвестиций, социальных проектов, программ и проблем, с которыми сопряжено их осуществление.

Литература

1. **Guijt I., Woodhill J.** Managing for Impact in Rural Development: A Guide for Project M&E. – Rome, Italy: International Fund for Agricultural Development, 2002. – 297 p.

2. **Покровский Н.Е.** Посмотри, кто к нам пришел! Неизбежность странного мира глобализации // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2003. – С. 338–348.
3. **Линч К.** Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
4. **Blaut J.M., Stea D., Spencer C., Blades M.** Mapping as a cultural and cognitive universal // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2003. – No. 93 (1). – P. 165–185.
5. **Shalini P.** *Vajjhala Mapping Alternatives: Facilitating Citizen Participation in Development Planning and Environmental Decision Making*: Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of: Doctor of Philosophy. – Pittsburgh: Carnegie Mellon University, 2005. – 177 p.
6. **Гирц К.И.** Интерпретация культур: Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с.
7. **Семенова В.** Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // *Визуальная антропология: городские карты памяти* / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. – С. 67–81.
8. **Андерсен Б.** Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: КАНОН-Пресс-Ц; «Кучково поле», 2001. – 288 с.
9. **Stakeholder Engagement Strategies for Participatory Mapping**. – NOAA Coastal Services Center, 2009. – 24 p.
10. **McCall M.K.** Seeking good governance in participatory-GIS: A review of processes and governance dimensions in applying GIS to participatory spatial planning // *Habitat International: A Journal for the Study of Human Settlements*. – 2003. – V. 27, No. 4. – P. 549–573.
11. **Using Participatory Mapping to Explore Participation in Three Communities // Pathways through Participation**, 2010. June. – 15 p.
12. **Климов И.А.** Респонсивность власти как баланс суверенитета и социальной поддержки // *Социологический журнал*. – 2006. – № 3-4. – С. 69–88.
13. **Городская среда: Технология развития: Настольная книга** / Глазычев В.Л., Егоров М.М., Ильина Т.В. и др. – М.: Ладыя, 1995. – 240 с.
14. **Замятина Н.Ю.** Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории // *Идентичность как предмет политического анализа*. – М., ИМЭМО РАН, 2011. – С. 203–211.
15. **Etzioni A.** *The Active Society*. – N.Y.: Free Press, 1968. – 698 p.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.05.2013 г.